

5. Мижериков В.А. Словарь-справочник по педагогике / под общ. ред. П.И. Пидкасистого. – М.: Сфера, 2004. – 448 с.
6. Аверинцев С.С. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-оглы, Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 2-е изд. – 815 с.
7. Чангли И.И. Труд: социологические аспекты теории и методологии исследования. – М.: ЦСП, 2002. – 452 с.
8. Online Etymology Dictionary // <http://www.etymonline.com>.
9. Каменецкий В.А. Капитал (от простого к сложному). – М.: Экономика, 2006. – 583 с.
10. Каменецкий В.А. Труд. – М.: Экономика, 2004. – 590 с.

Чинкин Игорь Ревкатович, ст. преподаватель, кафедра предпринимательства и инновационных технологий, факультет информационных технологий и бизнеса, Алтайский государственный технический университет; кафедра философии, Барнаульский гос. педагогический университет.

Chinkin Igor' Revcatovich, senior teacher, department of Business and innovative technologies, faculty of information technologies and business, Altay State Technical University, Barnaul State Pedagogical University.

Тел.: (385-2) 666670, (385-2) 478905, сот. 9039920721,
E-mail: chinkin@bk.ru

УДК 130.2

Р.А. Юрьев

ОСОБЕННОСТИ ДЕНАТУРАЛИЗАЦИИ И ДЕПСИХОЛОГИЗАЦИИ ОСНОВАНИЙ ПРАВА В РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ А. РАЙНАХА

В статье рассматривается специфика платонизма в феноменологии права А. Райнаха и ее преемственность относительно априорной проблематики в традиции западной философии.

Ключевые слова: феноменология права, реалистическая феноменология, априоризм.

R.A. Yuriev

THE FEATURES OF DENATURALIZATION AND DEPSYCHOLOGISATION OF LAW FOUNDATIONS IN THE REALISTIC PHENOMENOLOGY OF A. REINACH

The article is devoted to the specific of Platonism in the phenomenology of law of A. Reinach and its further development in the apriorism aspect of western philosophy tradition.

Key words: phenomenology of law, realistic phenomenology, apriorism

I

Творчество одного из ранних феноменологов и геттингенских учеников и ассистентов Эдмунда Гуссерля Адольфа Райнаха (1883-1917) в области феноменологии права вызывает особый интерес. Райнах является философом малоизученным, поскольку первый перевод на русский язык его «Собрания сочинений» состоялся только в 2001 г. Особую интригу вызывает тот факт, что его относительная неизвестность среди российских философов не отменяет его значимости в контексте всего феноменологического движения. Герберт Шпигельберг, в частности, указывает, что такие впоследствии известные феноменологи, как Вильгельм Шапп, Дитрих фон Гильдебранд, Александр Койре и Эдит Штайн, в течение своего обучения ссылаются на Райнаха как настоящего учителя феноменологии, а не на Гуссерля, а Хедвиг Конрад-Мартиус вообще назвала его феноменологом *par excellence* [1, с.191]. Не менее прекрасный отзыв дает и такой видный философ, как Р. Ингарден, во «Введении в феноменологию Эдмунда Гуссерля» [2]. Барри Смит в книге «Австрийская философия. Наследие Франца Brentano» вообще говорит о творчестве Райнаха (наряду с Гуссерлем) как значительно повлиявшем даже на становление австрийской экономической школы [3]. Можно еще указать на статью Смита «Эссе о материальной необходимости», в которой он проводит компаративный анализ позиций Юма, Райнаха и Серла [4].

Также примечательно, что в таком действительно фундаментальном труде, как «Социология философии» [5], американского социолога Рэндалла Коллинза о Райнахе нет ни одного упоминания, хотя в терминах Коллинза про него можно сказать как о мыслителе со значительной «эмоциональной энергией» и «культурным капиталом». Именно наличие этих двух составляющих позволило Райнаху в свое время занять противоположную, но в то же время значительную позицию по отношению к Мартину Хайдеггеру.

Йозеф Зайферт, в свою очередь, дает свою историко-философскую реконструкцию данной ситуации. Согласно ему, Райнах относится к реалистическому направлению в феноменологии, которое крайне скептически отнеслось к тому, что «научная философия, которую Гуссерль противопоставляет мировоззренческой философии, должна признать несостоятельность попыток разрешения основных вопросов метафизики и прежде всего отказаться от притязаний познать автономно существующий, не зависящий от человеческого сознания объективный мир. Любая трансценденция сущностного познания, также как и познание объективной действительности, лежит вне сферы научного философского знания. Соответственно подлинно научная философия должна быть ограничена сферой сознания и чистых интендируемых предметностей, соответствующих интенциональным актам» [6]. На данное обстоятельство указывает и В. Куренной. Согласно

ему, переход Гуссерля от «эйдетической» к «трансцендентальной» феноменологии «мог рассматриваться как крайняя непоследовательность и отход от девиза “к самим вещам”, в то время как Гуссерль, напротив, понимал эту трансформацию как вполне закономерное развитие тех оснований, что были заложены в “Логических исследованиях”» [7].

Заметим, что подобный скепсис в отношении гуссерлевской феноменологии был присущ не только самим феноменологам и ученикам Гуссерля, но и представителям марксизма, как западного, так и советского. По сути, требованиям, которые предъявлял богатый на политические события XX век, феноменология Э. Гуссерля не удовлетворяла, а наиболее популярными стали всевозможные синтезы из марксизма и экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера. Речь шла об основаниях и вытекающих следствиях. Хотя и марксистская критика идеологии (например, Франкфуртская школа) никак не могла решить проблему аутореферентности и обоснования своей собственной позиции с тезисом о «тотальности идеологии». В данном случае оставалось ни что иное, как, подобно представителю социологии знания К. Манхейму, создать образ «парящего» над классовыми интересами интеллектуала, и то испытавшего на себе влияние Хайдеггера [8, с.270], либо в духе «Негативной диалектики» Т.В. Адорно и Великого Отказа Г. Маркузе провозгласить тотальное поражение Разума как фундамента европейской культуры.

С другой стороны, из фундаментальных структур опыта предложенных феноменологической традицией нельзя было вывести содержание практического действия. В этом случае возникал вполне закономерный вопрос о том, что открывшееся в феноменологии «равноправие трансцендентальных субъектов», в практической и социальной жизни не обладает всеобщим характером. Критика идеологии в данном случае становится вариантом приватной «радикальной индивидуализации» (М. Хайдеггер), в результате которой «Другой» может осознаваться в своей «трансцендентности», но не обладать интересубъективным характером. Поэтому заслуживает внимания тезис Й. Зайферта о том, что в «в реалистической феноменологии можно усмотреть оправдание и прежде всего чисто философское обоснование немногих истинных постулатов марксистской философии, в особенности акцентации на не подлежащем сомнению объективном существовании мира» [6]. Таким образом, философия Райнаха интересна, прежде всего, тем, что некоторые трудности, сопровождавшие трансцендентальную феноменологию, находят собственное оригинальное разрешение.

II

Для демонстрации вышесказанного необходимо обратиться к произведению Райнаха «Априорные основания гражданского права». Во-первых, это

первое произведение феноменологической философии в области права. Во-вторых, если феноменология с начала своего возникновения пережила множество трансформаций от фундаментальной онтологии и экзистенциализма до герменевтики, то тогда не обошлось без изменений феноменологической философии и в работе Райнаха при сохранении наиболее существенных черт, присущих данному направлению мысли. В связи с этим выделим несколько взаимосвязанных тезисов, которые будут обсуждаться в данной статье. Первый тезис заключается в том, что «Априорные основания гражданского права» являются разновидностью платонизма в естественном праве, но укорененного в фундаменте проблематики классической феноменологии. Второй тезис: несмотря на фактическое отсутствие базовых и традиционных феноменологических понятий, можно с уверенностью утверждать, что исследование выполнено в русле феноменологической стратегии. Для историко-философского исследования недостаточно отсылать лишь к факту отнесения самого Райнаха к феноменологии, его участия в феноменологическом кружке, а выявить традиционную структуру феноменологического хода мысли. Третий тезис: несмотря на апелляцию к субъекту (субъект обещания-обязательства, требования), тематизация права у Райнаха проходит в русле «преодоления субъекта», что вписывает данного автора в такую господствующую тенденцию XX века, как «преодоление метафизики».

Согласно Райнаху, только феноменология права преодолевает «страх перед данностью», заключающейся в искусственности и невероятности конструкций в обосновании права подстерегающих нефеноменологическую философию. Для постижения права феноменология избегает редукционизма идеальной правовой сферы как к материальным носителям, так и к неким фактам индивидуальной психической жизни. Подобного рода дуализм (материальное/психическое) может лишь давать случайные объяснения фактов, но постижение самой «идеи права» остается «за занавесом» интерпретаций. Тематическое исследование права должно исходить из самого права.

Райнах пишет: «Те образования, которые общепринято называть специфически правовыми, обладают бытием так же, как числа, деревья или дома; что это бытие независимо от того, постигается ли оно людьми или нет, что оно, в частности, независимо от какого бы то ни было позитивного права. Не только ложно, но и по своему последнему основанию бессмысленно считать правовые образования творениями позитивного права <...>. В действительности имеет место то, что так ревностно оспаривается: позитивное право находит те правовые понятия, которые входят в него; оно ни в коем случае их не производит» [9, с.156]. Сразу становится ясно, что «преднахождение» отсылает именно к платоническим мотивам философствования, но с отсылкой к Канту. «Такого рода априорные поло-

жения имеются в изобилии, строго формулируемые и с очевидностью усматриваемые, независимые от какого бы то ни было постигающего их сознания, независимые и от каких бы то ни было вещей любого позитивного права, точно так же, как и те правовые образования, по отношению к которым они значимы. <...> В отношении правовых образований значимы априорные положения <...> с очевидностью усматриваемые, независимые от какого бы то ни было постигающего их сознания» [9, с.157]. Это вечные законы, которые существуют независимо от нашего понимания и обладают иной темпоральной природой. Время в данном случае подчинено их априорной логике. Благодаря данной логике время создается – до самого факта «обещания» не существует ни времени, ни пространства фактов, к которому оно отсылает, так как не существует последствий, которое оно порождает. Поэтому для сферы априорного, подобно Богу у Св. Августина, нет ни прошлого, ни будущего – основоположения права всегда существуют в настоящем и являются вечными. Другое дело, что основоположения исходят не из самого субъекта, а являются результатом прорыва к трансценденции самих «вещей». Это созвучно мыслям Гуссерля периода «Логических исследований»: «Если мыслящих существ нет, если устройство природы исключает их, и они, стало быть, реально невозможны – если для известных классов истин нет существ, которые были бы способны познать их, – тогда эти идеальные возможности лишены осуществляющей их действительности; в этом случае воспринимание, познание, сознание истины (или же известных классов истин) никогда и нигде не реализуется. Но каждая истина сама по себе остается такой, какова она есть, сохраняет свое идеальное бытие» [10, с.266].

Изначальной, из чего исходит Райнах, является критика физикализма и психологизма в исследовании права, но с той разницей, что правовые феномены не связаны у него с интенциональностью. Вопрос о натуралистическом обосновании объективности права снимается не апелляцией к интенциональным объектам, а к логической структуре правовых основоположений. Правовые феномены обладают особой природой, не сводимой ни к физическому миру, ни к психическим переживаниям. Райнах дублирует традиционный гуссерлевский ход мыслей с помощью определения предмета права через негативное утверждение по поводу попыток свести сущность права к физическому и психическому. В первом случае Райнах предостерегает по поводу превратного понимания априорной философии как попыток обоснования позитивного права. Во втором случае основанием права не может быть носитель индивидуальной или коллективной психики.

Основное различие права от физических объектов идет по критерию каузальности. В случае с физическим миром познаваемая нами каузальность не дает нам представления о необходимости сама по

себе, поскольку любое следствие может стать самостоятельной данностью. Поэтому различие правового феномена от природного и физического – это то, что он а priori не может быть понят как самоданность. «Требование и обязательство нельзя постигать в их существовании самостоятельным образом» [9, с.171]. Требование и обязательство логически предполагают необходимую отсылку к своему первичному источнику – обещанию. Напротив, «вещи, процессы и состояния мира вещей никогда не могут выступать в качестве основания и следования <...>. Вещь или переживание, или число не могут ничего обосновывать, из них не может ничего следовать» [11, с.120]. Данным образом оригинальная феноменологическая установка Райнаха позволяет преодолеть натурализацию связей «объективного мира», в результате коррелятом предметов, их связей и единств становятся «положения дел», как то, во что верится или утверждается в суждении, будь то физические вещи, числа или правовые образования. Нам даны не отношения причинности, а отношения основания и следования как модальности «положений дел». Если есть существование какого-то предмета, то существует и бесконечное множество «положений дел», в которых предметы присутствуют перед нами в различных модальностях. «Положение дел» снимает трансценденцию предмета, соответствуя гуссерлевскому «эйдетическому усмотрению».

Вторым аспектом определения предмета феноменологии права является критика психологизма. В случае с психическими переживаниями различие связано с существованием требований, не выраженных в психических переживаниях, а также с существованием психического переживания правомерности и обязательства без фактических на то оснований. Психологизм сводит логические закономерности к переживаниям, которые не могут фундировать сферу а priori. Это определенным образом не затрагивает сущностную генетическую взаимосвязь между первичным актом обещания и последующими событиями – требованием и обязательством. Обещание относится к социальным актам, главная характеристика которого – выражение, потому что социальные акты могут постигаться субъектами как психические лишь на физическом основании. Тем не менее взаимосвязь между социальными актами не может быть сведена к области ни психического, ни физического, поскольку обещание, по выражению Райнаха, «что-то меняет в мире»: отсутствие психического переживания по поводу обещания не делает возникновение требования и обязательства чем-то эфемерным (состояние сна, потеря памяти).

Таким образом, Райнах выделяет сферу а priori как конституирующую любые эмпирические установления позитивного права: обещание необходимым образом лежит в основании требования и обязательства. Понятно, что мир «эмпирический» и «повседневный» как раз характеризуется тем, что

сама реализация права идет наперекор его априорной логике. Однако это не отменяет того, что сама идея права и ее элементы могут достигаться только всеобщим и необходимым образом. В идее права заключено модифицированное требование кантовского практического разума, исключающего принципы счастья и пользы для своей реализации. Поэтому сфера априорного не сводима к случайному носителю и верна во всех возможных мирах, а свойства субъекта безразличны для сущностной взаимосвязи между обещанием и последующим требованием и обязательством. Как пишет Барри Смит в «Априорных основаниях гражданского права» 1913 г., Райнах пытается развить категориальную онтологию правовой сферы в качестве первого шага по направлению, которое он называет *априорной* онтологией социального мира» [3].

Отсюда можно говорить и о тенденции к полной десубъективации оснований права у Райнаха и некоторых проблемах, с этим связанных: не субъект порождает правовой мир, а само право (вернее, область априорных оснований права и «положений дел») обладает порождающими и аннигилирующими по отношению к субъекту свойствами. При этом статус субъекта весьма противоречив: субъекта (адресанта) и другого субъекта (адресата) обещания не существует до самого акта обещания, и также их не существует и после выполнения обещанного (либо отказа от выполнения). Присутствие субъекта случайно. Но примечательно и то, что внутри самой ситуации обещания субъект должен возникнуть, как «бог из машины»: априорная сфера права указывает на субъекта (как адресанта, так и адресата обещания), но и его исчезновение внутри ситуации обещания приводит и к исчезновению мира права.

Литература

1. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. 3-е изд. – Гаага: Мартинус Нейхоф, 1982.
2. Ингарден Р. Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

3. Смит Б. Австрийская философия. Наследие Франца Brentano / Открытая издательская компания Чикаго и Ла Сел. – Иллинойс, 1994. URL: http://ontology.buffalo.edu/smith/book/austrian_philosophy.

4. Смит Б. Эссе о материальной необходимости. URL: http://ontology.buffalo.edu/smith/articles/reinach.html#N_1. Смит выдвигает следующий тезис: «С одной стороны, я буду резюмировать райнаховское мышление в качестве соединения результатов априоризма и материальной необходимости. С другой – я продемонстрирую, что Серл, в конце концов, не занимает устойчивой и приемлемой позиции между Юмом и Райнахом. Серл, конечно, если и способен отдать должное основаниям и разработкам конститутивных принципов, должен огорчиться широким охватом, которого достиг райнаховский платонизм».

5. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

6. Зайферт Й. Философия как строгая наука. К основанию реалистического феноменологического метода в критическом диалоге с гуссерлевской идеей о философии как строгой науке URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/04.htm

7. Куренной В. К вопросу о возникновении феноменологического движения. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/11.htm.

8. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994.

9. Райнах А. Априорные основания гражданского права // Собрание сочинений. – М.: ДИК, 2001.

10. Гуссерль Э. Логические исследования. – Т.1: Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Сагуна, 1994.

11. Райнах А. К вопросу о теории негативного суждения // Собрание сочинений. – М.: ДИК, 2001.

Юрьев Роман Александрович, канд. филос. наук, ст. лейтенант вн. службы, преподаватель кафедры управления и информационных технологий. Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации

Тел.: 8-913-075-70-47, yuriev2003@mail.ru

Yuriev Roman Alexandrovich, candidate of philosophy sciences, lecturer of department of management and computer technologies, senior lieutenant of internal service.

Tel: 8-913-075-70-47, e-mail: yuriev2003@mail.ru